

В то, что обычный космический ковбой может купить «Альберт», — как бы ни были хороши его репутация и послужной список, — всё равно верилось с трудом. Говорили, что NASA расформировали, поэтому корабль продали со скидкой, но насколько в реальности мог подешеветь этот венец передовых технологий? Истинной причиной, сбившей цену, было существование второго корабля серии «Альберт», а также один колоссальный дефект первого. Из-за этого дефекта термоядерный двигатель «Альберта» был практически непригоден к использованию.

На самом деле, эта проблема была решена ещё при разработке второго корабля. Однако Панамериканская республика, воссозданная после Третьей мировой войны, не смогла унаследовать всю информацию по аэрокосмическим проектам. Торговый представитель нового правительства, продававший корабль, даже не упомянул о его способности летать на околосветовых скоростях. «Альберт» продали по цене обычного корабля на ядерном делении и солнечных батареях, и Z действительно использовал его именно так. Он совершил три или четыре обычных грузовых рейса по маршруту Земля-Венера, а затем взял тот самый пассажирский рейс с Венеры на Меркурий. Вскоре после отлёта с Венеры «Альберт» и угодил в солнечную вспышку класса X50.

Клиентом, которого подогнал Йесот, оказался богатый и упрямый старик. Он категорически отказался швартоваться к венерианской космической станции, чтобы переждать солнечную бурю. Позже Z навел о нём справки: оказалось, что это был финансовый магнат, сколотивший состояние после Третьей мировой. Обвинений в экономических преступлениях, висевших на нём в Панамериканской республике, хватило бы, чтобы засадить его за решётку лет на двести. Впрочем, период полураспада коммерческих олигархов зачастую длится дольше, чем у политических.

Z никогда не питал симпатии к людям, ставящим деньги выше собственной жизни. Он планировал просто связать клиента, если тот продолжит упрямиться, и насильно пришвартоваться к станции на Венере. Однако клиент наорал на него, требуя объяснить, с какой стати ему прятаться от солнечной вспышки, если он летит на «Альберте».

Именно тогда Z впервые осознал уникальность своего корабля. Под шквалом высокоэнергетических протонов он отключил двигатели и гравитацию, надел скафандр и, замороженный, принялся изучать термоядерный токамак, скрытый в самом сердце машинного отделения. Этот корабль, способный разогнаться до 0,3% скорости света, был подобен гордому, но низложенному последнему императору, купающемуся в лучах заката после окончания золотого века освоения космоса.

Магнат щедро заплатил Z. Взяв эти деньги и вдобавок повесив на себя колоссальный долг у Йесота, Z закупил гелий-3 — объём, не дотягивавший даже до пятой части того, что NASA использовало для ходовых испытаний. А затем он скормил весь этот гелий ненасытному «Альберту» и отправился в неизведанное.

Всё прошло гладко: термоядерный двигатель успешно запустился, низкотемпературные сверхпроводники работали стабильно. Когда первый токамак вышел из критического режима, скорость корабля достигла лишь 20% от проектной, но это уже было намного быстрее всего, на чём когда-либо летал Z. В отличие от NASA в период его расцвета, Z не имел доступа к

управлению орбитами большинства искусственных космических аппаратов. Чтобы избежать пересечения орбит, ему пришлось проложить курс для испытательного полёта далеко в сторону. Заранее заданных координат вне плоскости эклиптики было немного, и он выбрал направление на Альфу Центавра. На тридцать третий день полёта он удалился в эту безжизненную пустоту на расстояние 10 астрономических единиц, коснувшись предела, до которого когда-либо добирались пилотируемые космические аппараты.

— 10 астрономических единиц! — восхищённо выдохнул Юлиан. Если считать от Земли вдоль плоскости эклиптики, это орбита Сатурна. Он по-детски облизнул губы, взбудораженный этой удивительной историей о приключениях: — И как далеко ты в итоге забрался?

— На 62,5 астрономические единицы, — ответил Z.

— Ого.

Даже ожидая чего-то подобного, Юлиан застыл на месте и лишь спустя долгое время смог хоть что-то ответить. Он был уверен, что эта цифра побила рекорды всех пилотируемых космических аппаратов. А если учесть неизвестную судьбу «Планка», то как минимум это был рекорд среди всех пилотируемых аппаратов, успешно вернувшихся обратно.

Вернувшихся обратно. Мозг Юлиана, впавший в детство от восторга и зависти, медленно возвращался на уровень взрослого человека. Он с сомнением спросил:

— А что потом? Как ты скорректировал орбиту для возвращения?

Это же околосветовой корабль, на возвращение требуется столько же усилий, сколько и на разгон, если не больше. Азимут, в котором находилась Альфа Центавра, уже был исследован «Вояджером-37». Юлиан читал об этом в материалах для экзамена на лётную лицензию — там не было абсолютно ничего. В направлении от Солнца не было достаточно сильного гравитационного поля, которое Z мог бы использовать. Хватило ли «Альберту» энергии, чтобы самостоятельно скорректировать курс?

— Никак, — ответил Z.

Ему нужно было возвращаться, но он этого не сделал.

Z осознал это на четырнадцатый день. Для возвращения требовалось изменить скорость, а значит — перезапустить токамак. Технология стационарной работы токамака была уже хорошо отработана, и запуск обычной реакции ядерного синтеза не представлял проблемы. Однако критическая температура синтеза гелия-3 была намного выше, чем у других изотопов. На Земле для запуска можно было использовать вспомогательные средства, но в космосе запуск мог не достичь критических условий плазмы из-за недостаточного времени удержания энергии. Вероятность успешного запуска составляла примерно 30%. Цифра не казалась безнадёжной, проблема заключалась в цене каждой попытки.

Токамак требовал полной сверхпроводимости, и при каждом неудачном запуске, прежде чем сверхпроводимость нарушалась, происходила неполная реакция гелиевого топлива, что приводило к изменению концентрации гелия-3 в установке. Для сохранения манёвренности на «Альберте» не было системы разделения изотопов гелия-3, а достичь критического состояния мог только гелий-3 с концентрацией выше определённого уровня. При каждой неудаче весь гелий-3, загруженный в токамак, приходилось сбрасывать и закачивать новую порцию высокообогащённого гелия-3. Именно поэтому во время ходовых испытаний NASA исчерпало все свои запасы гелия.

Маршрут испытательного полёта NASA пролегал от спутников Сатурна к спутникам Юпитера. Гравитационная потенциальная яма Юпитера облегчала «Альберту» торможение и выход на орбиту. К тому же в период расцвета NASA располагало всем гелием-3 на Луне, чего с лихвой хватало на множество попыток изменения скорости. Они могли решить проблему 30-процентной вероятности методом проб и ошибок. А вот гелия-3, купленного Z, едва хватало, чтобы дважды заполнить токамак. «Альберт» уже сжёг половину бортового запаса гелия, а оставшаяся половина больше не обладала концентрацией, необходимой для достижения критических условий. На такой скорости ядерное топливо и солнечная энергия были практически бесполезны для изменения скорости и орбиты, а в направлении, удалённом от плоскости эклиптики, не было даже гравитации планет-гигантов, которую он мог бы использовать. «Альберт» не мог вернуться.

Юлиан спросил:

— Это что, какая-то головоломка? Задана куча невыполнимых условий, и нужно отгадать, как главный герой выпутался, хотя на самом деле есть очень логичный и простой путь, который все упускают из виду... Как в детективных загадках?

Он коротко рассмеялся, но в его голосе сквозило такое явное напряжение, что это было просто оскорблением для десятков учителей, которых нанимал его отец, чтобы обучить его светским манерам и умению скрывать эмоции. Он так увлёкся рассказом, что даже не заметил, как Z сменил позу и повернулся к нему спиной. Свет ночника растворялся во тьме, выхватывая лишь небольшую полоску обнажённой кожи на затылке Z.

— Не очень-то логичный, но действительно простой, — сказал Z.

В его тоне прозвучало нечто такое, отчего Юлиан невольно затаил дыхание.

— Планеты-сироты, слышал о таких?

Юлиан слышал. Эти планеты не принадлежат ни к одной планетной системе. Некоторые из них были по ошибке выброшены в процессе формирования систем вокруг звёзд, другие — вытолкнуты позже под воздействием гравитации других планет или небесных тел. В последнем случае для этого даже не требуется столкновения: два гиганта могут не удостоиться и мимолётного касания. Притянувшись друг к другу, они на разных орбитах и в разных направлениях то ускоряются, то замедляются, пока один из них, вырвавшись из-под влияния

звезды, улетает в межзвёздное пространство, постепенно остывая, а другой остаётся на сильно вытянутой эллиптической орбите, совершая тщетные обороты.

У планет-сирот нет энергии звезды. Возможно, они достаточно массивны, чтобы их атмосфера удерживала крупницы тепла раскалённого ядра, но у них нет постоянного источника тепла от звезды, который мог бы стимулировать эволюцию жизни. Юлиан помнил, как в детстве в новостях рассказывали о такой планете-сироте, обнаруженной в нескольких световых годах от Земли — холодной и безмолвной, словно мёртвые останки.

— Планета-сирота, развившая технологии космических полётов, превосходящие человеческие. Её обитатели почувствовали угрозу и изменили курс приближающегося к ним «Альберта». — Z пожал плечами. — Звучит нелепо, но это и есть «то, что остаётся после исключения всего невозможного».

«Альберт» засёк её раньше, чем Z. Когда сработала сигнализация автопилота, Z подумал, что это пролетающая мимо комета. Космос пуст и одинок, Z летел в пустоте более ста дней, и это был первый гость в радиусе обнаружения. Это пробудило притупившееся восприятие пространства и времени Z. Вскоре он понял, что гость куда крупнее кометы. Судя по диаметру и гравитации, это была планета земного типа, чуть больше самой Земли.

Несмотря на то, что «Альберт» двигался на околосветовой скорости, на таком расстоянии уклониться от планеты с помощью двигателей было проще простого. Более того, Z уже прикидывал, как использовать эту планету-сироту для гравитационного манёвра, чтобы изменить курс. Учитывая массу и радиус этой планеты, «Альберт» мог получить прибавку к скорости всего около 1% от текущей, но кто знает, может, на их пути встретится ещё сотня таких планет? Конечно, это был самообман. Z не верил, что впереди «Альберта» поджидает сотня планет-сирот, готовых помочь ему изменить курс. Ему просто было скучно на этом долгом пути к неминуемой смерти.

За пару недель до сближения Z тщательно отслеживал траекторию планеты-сироты, готовясь скорректировать курс «Альберта». Планета двигалась очень быстро, даже быстрее Меркурия, самой быстрой планеты в Солнечной системе. Окно для манёвра «Альберта» было крайне узким, малейшая ошибка грозила катастрофой. Z это не особо волновало — в конце концов, он и так был обречён. А что касается планеты-сироты... вся человеческая наука утверждала, что такие планеты — ледяные кладбища. Даже если «Альберт» разобьётся, он не станет причиной нового мел-палеогенового вымирания.

Но Z следовало отказаться от веры в человеческую науку ещё в тот момент, когда он обнаружил планету-сироту в пределах Солнечной системы. Вскоре после того, как «Альберт» запустил маршевые двигатели, в самый заурядный момент, когда он ещё даже не вошёл в орбиту планеты-сироты, взвыли сирены. Z даже не успел понять, где произошёл первый сбой, потому что на корабле орало всё, что только могло орать. Казалось, он на полном ходу влетает прямо в Солнце.

У Z не было времени на раздумья. Почти в то же мгновение он без предупреждения потерял сознание. Для опытного космического ковбоя это было нечто из ряда вон выходящее. Будь то

удушие или потемнение в глазах от перегрузок — опасность, ведущая к потере сознания, всегда подаёт какие-то физические сигналы. Но в этот раз не было ничего. Z проспал очень долго, а когда очнулся, «Альберт» находился на незнакомом курсе в районе орбиты Сатурна, в направлении прямого восхождения 14 часов. Сирены молчали, словно ничего и не произошло.

— Это была та самая планета-сирота. За мгновение до столкновения с ней я всё ещё упрямо нёсся к окраинам Солнечной системы, а в следующее мгновение я очнулся, и «Альберт» уже летел обратно, приближаясь к орбите Сатурна, — буднично подытожил Z.

В одной короткой фразе содержалось столько информации, что это звучало как откровенный бред. Юлиан на мгновение опешил, а затем спросил:

— И что потом?

— Потом? — Z бросил на него взгляд. — Потом я вернулся. Потребовалось некоторое время, чтобы выбраться из зоны боевых действий у спутников Сатурна. Пираты разнесли третью секцию фермы корабля, я починил её только в прошлом месяце на Луне.

Из-за политики освоения Европейского космического агентства спутники Юпитера и Сатурна всегда были синонимом хаоса. Особенно спутники Сатурна — там творился сущий ад, и ситуация немного улучшилась лишь после создания Союза шахтёров. Юлиан мысленно подсчитал: одиннадцать лет назад как раз был разгар противостояния между шахтёрами и пиратами, и вырваться от Сатурна было сродни подвигу. Но ведь это было одиннадцать лет назад! Как Z умудрился тянуть с ремонтом фермы до недавнего времени?

— За эти одиннадцать лет ты ни разу не возвращался на Землю? — спросил Юлиан.

— А зачем? — саркастично хмыкнул Z. — Чтобы обсуждать голографические спорткары «Бугатти» с кучей пещерных аборигенов, которые ни разу не покидали пределы Земли?

Юлиан благоразумно промолчал. Он вспомнил, как Йесот представлял Z: единственный космический ковбой, способный проскользнуть сквозь огонь войны у спутников Сатурна. По словам Z, одиннадцать лет назад он летал только по маршруту Венера-Земля, значит, вся его репутация в отрасли была заработана в последние годы. Он действительно провёл целых одиннадцать лет вдали от Солнца.

И всё это из-за истории с планетой-сиротой? Юлиан поджал губы. Планета-сирота, на которой развилась цивилизация, причём настолько высокоразвитая, что смогла проникнуть в Солнечную систему незамеченной и отправить «Альберт», летящий со скоростью пушечного ядра, обратно к Сатурну. Это больше походило на магию, чем на чудо.

Любая достаточно развитая технология неотличима от магии. Юлиан уже вышел из возраста, когда верят в магию, но если Z говорил правду, то Юлиан вполне мог понять его теорию о том, что люди — инфузории-туфельки.

— Эта планета-сирота... ты сообщал о ней? Европейскому содружеству, Панамериканской республике, Азиатской федерации или хотя бы «Америнке»... — Юлиан не решался поверить до конца, но глядя на Z, он невольно хотел верить каждому его абсурдному слову.

Неизвестные технологии и неизвестные угрозы — главные двигатели освоения космоса, и описанная Z планета-сирота идеально подходила под оба критерия. Он тихо спросил:

— Почему ты не сообщил о ней? Если бы ЕКА узнало, они бы любой ценой возобновили исследования дальнего космоса. Если это правда...

— Это ложь, — сказал Z. Он вдруг выглядел совершенно потерявшим интерес к разговору.

— А?

— Ложь, — повторил Z. Он перелил остатки вина из бутылки в пакет и молча выпил.

В тёплом свете ночника Юлиан видел, как дёрнулся кадык Z, словно он проглотил крик, готовый сорваться с языка. Юлиан на мгновение заколебался. Его любопытство было возбуждено до предела, но Z явно не хотел больше говорить.

Юлиан не был совершенно беспомощен в таких ситуациях. Провокации, уговоры, даже давление — существует масса способов заставить человека заговорить. В конце концов, его обучение в «Америнке» не прошло даром. Но он не хотел применять эти манипуляции к Z.

Юлиан поднял взгляд: Z привязывал бутылку обратно к ручке шкафчика. Слегка оттолкнувшись от стены, он перелетел на другую сторону рубки.

— Наслушался сказок на ночь? — донёсся из темноты голос Z. — Спи.

Юлиан тихо вздохнул. Он оставил попытки докопаться до правды, предпочтя сохранить эту странную атмосферу недосказанности.

<http://bllate.org/book/17728/1664337>